

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)
С81

Серия «Зарубежная классика»

Irving Stone
LUST FOR LIFE

Перевод с английского Н.В. Банникова

Компьютерный дизайн Г.В. Смирновой

Печатается с разрешения издательства Doubleday, part of
The Doubleday Publishing Group, a division of Random House, Inc.
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Стоун, Ирвинг.

С81 Жажда жизни: биографический роман о Винсенте Ван Гоге /
Ирвинг Стоун; [пер. с англ. Н.В. Банникова]. — Москва: Из-
дательство АСТ, 2017. — 509, [3] с. — (Зарубежная классика).

ISBN 978-5-17-105633-9

Винсент Ван Гог.

Один из величайших мастеров импрессионизма.

Человек трагической судьбы, при жизни испытывавший и презрение «официальных» критиков живописи, и полное непонимание собратьев по кисти, а после смерти признанный великим художником.

Его гений стал проклятием, ибо его новаторская манера писать казалась неприемлемой даже для привыкших к творческим экспериментам обитателей Монмартра. Его не любили и либо равнодушно отвергали, либо цинично использовали женщины. Над ним посмеивались друзья. Его жалели родные...

Жизнь Ван Гога должна была закончиться трагически, это было очевидно всем, кто его знал.

Вопрос лишь в том, когда и при каких обстоятельствах наступит эта развязка...

О «гениальном безумце» французской живописи написано многое, однако никому из его биографов не дано было создать ничего равного легендарному биографическому роману Ирвинга Стоуна «Жажда жизни».

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)

© Irving Stone, 1934, 1961

© Перевод. Н.В. Банников, наследники, 2009

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Пролог

ЛОНДОН

1

— Господин Ван Гог! Пора вставать!

Еще не проснувшись, Винсент уже ждал, когда раздастся голос Урсулы.

— Я встал, мадемуазель Урсула, — ответил он.

— Нет, вы не встали, вы только встаете, — засмеялась девушка.

Винсент слушал, как она спускается по лестнице и идет на кухню.

Опершись на ладони, он резким движением спрыгнул с кровати. Плечи и грудь были у него массивные, руки большие и сильные. Он наскоро оделся, плеснул из кувшина холодной воды и стал править бритву.

Винсент любил ежедневный ритуал бритья — взмах лезвия вдоль правой щеки, от бакенбарда до уголка чувственного рта, затем верхняя губа, сначала справа, от крыла носа, потом слева, потом крупный, словно скатанный кусок теплого гранита, подбородок.

Он приник всем лицом к душистой охапке брабантских трав и дубовых листьев, лежавших на шифоньерке. Его брат Тео собрал эти листья и травы близ Зюндерта и прислал сюда, в Лондон. Лишь вдохнув запах Голландии, Винсент почувствовал, что день начался.

— Господин Ван Гог! — крикнула Урсула, снова постучавшись в дверь. — Почтальон принес вам письмо.

Разорвав конверт, он узнал почерк матери. «Дорогой Винсент, — читал он, — мне захотелось сказать тебе словечко хотя бы на бумаге».

Вспомнив, что у него еще не вытерто лицо, он сунул письмо в карман брюк — его можно будет прочесть потом, в свободное время у Гупиля. Он откинул назад и расчесал свои длинные густые изжелта-рыжие волосы, надел тугую белую сорочку, низкий воротничок, завязал черный галстук с двумя длинными концами и сошел вниз, где его ждал завтрак и улыбка Урсулы.

Урсула Луайе вместе с матерью, вдовой провансальского викарария, содержала во флигеле, на заднем дворе, детский сад для мальчиков. Ей минуло девятнадцать, это была улыбчивая большеглазая девушка, с тонким, словно пастелью тронутым овальным лицом и стройной фигуркой. Винсент упивался, глядя, как она смеется и сияет, будто какой-то яркий цветной зонт под лучами солнца бросал свой отсвет на ее обольстительное личико.

Пока он ел, Урсула быстро и изящно пододвигала ему тарелки и оживленно разговаривала. Винсенту был двадцать один год, и он впервые влюбился. Жизнь как бы раскрылась перед ним во всей полноте. Ему казалось, что он будет счастливейшим человеком, если до конца своих дней сможет завтракать, сидя за одним столом с Урсулой.

Урсула принесла Винсенту ломтик ветчины, яйцо и чашку крепкого черного чая. Она присела на стул, пригладила на затылке свои вьющиеся каштановые волосы и, все улыбаясь, глядела на него, проворно подавая ему соль, перец, масло и поджаренный хлеб.

— Ваша резеда уже прорастает, — сказала она, облизывая губы. — Вы не взглянете на нее, перед тем как идти в галерею?

— Непременно, — ответил он. — А вы не проводите меня? Я хочу сказать... вы не покажете, где она?

— Чудак этот Винсент, право, чудак! Сам посадил резеду и сам не знает, где она растет. — У нее была привычка говорить с людьми так, как будто их и нет рядом.

Винсент поперхнулся. Манеры у него, под стать его грузному телу, были неловкие, и он никак не мог найти нужных слов в

разговоре с Урсолой. Они вышли во двор. Было холодное апрельское утро, но яблони стояли уже в цвету. Между домом Луайе и флигелем был небольшой фруктовый сад. Несколько дней назад Винсент посадил здесь мак и душистый горошек. Всходы редеды уже пробивались из земли. Винсент и Урсула присели на корточки лицом друг к другу, их головы почти соприкасались. От волос Урсулы исходил сильный, волнующий запах.

— Мадемуазель Урсула, — произнес Винсент.

— Да? — Она слегка отстранила от него голову и вопросительно улыбнулась.

— Я... я...

— Боже мой, да говорите же наконец! — Она проворно вскочила на ноги.

Он прошел с нею до двери флигеля.

— Скоро сюда придут мои малыши, — заговорила Урсула. — А вы не опоздаете в галерею?

— Нет, я успею. Я дохожу до Стрэнда за сорок пять минут.

Она не знала, что еще сказать, и, ничего не придумав, закинула руки и стала ловить у себя на затылке выбившуюся прядь волос. Грудь у нее, при ее тонкой фигуре, была удивительно полная.

— Где же та брабантская картина, которую вы обещали мне для детского сада? — спросила она.

— Я послал репродукцию одной картины Сезара де Кока в Париж. Он хочет сделать на ней надпись специально для вас.

— Ах, как это мило! — Она захлопала в ладоши и начала кружиться на месте, потом снова повернулась к нему. — Иногда вы, господин Ван Гог, бываете просто очаровательны, но только иногда!

Она улыбнулась ему прямо в лицо и хотела уйти. Он схватил ее за руку:

— Ночью я придумал вам имя. Я буду звать вас *l'ange aux rocoupons**.

Урсула откинула голову и громко расхохоталась.

* Ангел малышей (*фр.*).

— L'ange aux roupons! — воскликнула она. — Пойду скажу маме!

Она вырвала у него свою руку, расхохоталась, взглянув на него через плечо, и побежала к дому.

2

Винсент надел цилиндр, взял перчатки и вышел на Клэпхем-роуд. Здесь, вдалеке от центра Лондона, дома стояли привольно, вразброс. Во всех садах цвела сирень, боярышник и ра-китник.

Было четверть девятого, а к Гупилю надо было поспеть к девяти. Ходил он быстро, и по мере того как дома теснились друг к другу плотнее, все больше людей, спешивших на службу, попадалось ему навстречу. Ко всем этим прохожим он испытывал необычайно дружелюбное чувство: они ведь тоже знали, как это чудесно — быть влюбленным.

Он шел по набережной Темзы, потом через Вестминстерский мост, потом миновал Вестминстерское аббатство и здание парламента и, выйдя на Стрэнд, свернул к дому номер семнадцать на Саутгемптон-стрит, где помещался лондонский филиал фирмы «Гупиль и компания» — торговля картинами и эстампами.

Проходя через главный салон, застланный толстыми коврами и затененный пышными занавесями, он увидел полотно, на котором было изображено нечто вроде длинной, в шесть ярдов, рыбины или дракона; над чудищем парил какой-то человечек. Картина называлась «Архангел Михаил, поражающий сатану».

— На литографском столе лежит для вас посылка, — сказал Винсенту один из приказчиков в салоне.

За салоном, где висели полотна Милле, Боутона и Тёрнера, была комната с офортами и литографиями. Сделки же обычно совершались в третьей комнате — она и выглядела иначе, чем две первые, гораздо более напоминая деловую контору. Вспомнив, как одна женщина покупала вчера уже перед закрытием последнюю в этот день картину, Винсент расхохотался.

— Мне эта картина, Гарри, совсем не нравится, а тебе? — спрашивала она мужа. — Собака тут точь-в-точь такая, как та, что укусила меня прошлым летом в Брайтоне.

— Послушай, любезный, — сказал Гарри, — на что нам собака? Моя хозяйка из-за собак и так вечно лаетя.

Винсент понимал, что он продает сущую дрянь. Большинство клиентов не имели и понятия о том, что они покупают. Они платили огромные деньги за дешевку, за ерунду, но какое до этого дело ему? От него требовалось лишь одно — чтобы торговля эстампами приносила доход.

Он вскрыл посылку от Гупиля, из Парижа. Там была картина Сезара де Кока с собственноручной его надписью: «Винсенту Ван Гогу и Урсуде Луайе — Les amis de mes amis sont mes amis»*.

— Я поговорю с Урсудой сегодня вечером, когда буду отдавать картину, — пробормотал он. — Через несколько дней мне исполнится двадцать два, я зарабатываю пять фунтов в месяц. Дольше ждать нет смысла.

В тихой маленькой комнатке у Гупиля время летело быстро. За день Винсент продавал в среднем пятьдесят репродукций, и, хотя он предпочел бы торговать картинами маслом и офортами, ему было все же приятно, что он зарабатывает для фирмы такие деньги. Он отлично ладил с товарищами по работе, немало приятных часов провели они вместе, обсуждая события в Европе.

С детства он был немного угрюм и сторонился товарищей. Окружающим он казался странным, даже чуждаковатым. Но встреча с Урсудой перевернула все его существо. Теперь ему хотелось, чтобы он всем нравился, чтобы все любили его; раньше он был целиком погружен в себя, Урсуда же помогла ему по-новому взглянуть на мир, оценить красоту и радость повседневной жизни.

В шесть часов вечера магазин закрывался. У выхода Винсента остановил господин Обах. Он сказал:

— Я получил письмо от вашего дяди Винсента Ван Гога. Он интересуется, как идут у вас дела. Я был рад написать ему, что вы один из лучших служащих магазина.

* Друзья моих друзей — мои друзья (*фр.*).

- Благодарю, с вашей стороны это очень любезно, сэр.
- Не стоит благодарности. Когда вернетесь из летнего отпуска, получите повышение, — я хочу доверить вам офорты и литографии.
- Ах, сэр, для меня это сейчас так важно... Вы знаете, я... я собираюсь жениться!
- В самом деле? Вот это новость! Когда же у вас свадьба?
- Видимо, этим летом. — До сих пор он о свадьбе и не думал.
- Превосходно, молодой человек, превосходно. Вы служите всего год и уже получили повышение, а когда вернетесь из свадебного путешествия, тогда — смею надеяться — мы придумаем для вас что-нибудь еще.

3

- Мадемуазель Урсула, картину я получил, — сказал Винсент после обеда, отставив стул.
- Урсула была в модном вышитом платье из зеленого шелка.
- Художник сделал для меня какую-нибудь приятную надпись? — спросила она.
- О да. Если вы мне посветите, я повешу картину у вас в детском саду.
- Она чмокнула губами, изобразив поцелуй, и, искоса взглянув на Винсента, сказала:
- Мне надо помочь маме. Может, займемся этим через полчаса?

Уйдя к себе, Винсент облокотился о шифоньерку и долго смотрел в зеркало. Он редко задумывался о своей внешности, в Голландии это не имело для него значения. Здесь же, присматриваясь к англичанам, он убедился, что весь его облик и тяжеловесен и груб. Глаза сидели в орбитах глубоко, словно в трещинах каменной глыбы, покаты́й лоб был высок, нос выпирал вперед, широкий и прямой, словно берцовая кость, — он едва втиснулся между его густыми бровями и чувственным ртом, скулы широки и мощны, шея толста и коротка, а массивный

подбородок был живым олицетворением голландского упорства и воли.

Он отвернулся от зеркала и присел, задумавшись, на край кровати. Он вырос в строгой, суровой семье. До сих пор он ни разу не любил, никогда не заглядывался на девушек и не заигрывал с ними. В его любви к Урсуле не было ни страсти, ни желаний. Он был молод, он был наивен, он любил впервые в жизни.

Он взглянул на часы. Прошло всего-навсего пять минут. Те двадцать пять минут, которые еще оставалось ждать, казались бесконечными. Он вынул из конверта с письмом матери записку от брата Тео и перечитал ее еще раз. Тео был на четыре года моложе Винсента и занимал теперь его место у Гупиля в Гааге. Тео и Винсент, подобно их отцу Теодору и дяде Винсенту, смолodu крепко дружили.

Винсент взял книжку, положил на нее листок бумаги и написал ответ Тео. Из верхнего ящика шифоньерки он вынул несколько своих рисунков набережной Темзы, взял репродукцию «Девушки с мечом» Жаке и запечатал все в конверт, куда положил и письмо.

— Бог мой, — спохватился он, — я и забыл об Урсуле!

Он снова взглянул на часы и увидел, что опаздывает на четверть часа. Схватив гребень, он с трудом расчесал копну своих волнистых рыжих волос, взял со стола картину Сезара де Кока и выбежал из комнаты.

— А я думала, вы обо мне совсем забыли, — сказала Урсула, когда Винсент вошел в гостиную. Она клеила бумажные игрушки для своих малышей. — Принесли картину? Дайте-ка я взгляну.

— Лучше я ее сначала повешу. А где лампа?

— Она у мамы.

Когда он принес лампу из кухни, она сунула ему в руки яркий голубой шарф и попросила набросить его ей на плечи. От одного прикосновения к этому шарфу его бросило в дрожь. На дворе пахло яблонным цветом. Было совсем темно; своими тонкими пальчиками Урсула касалась рукава его грубошерстного черного пальто. Споткнувшись, она крепко схватила его за руку

и весело засмеялась над собственной неловкостью. Винсент не мог понять, что веселого в том, что она споткнулась, но ему было приятно слышать ее смех. Он распахнул дверь флигеля, давая ей дорогу, а она, проходя, почти коснулась своим точеным лицом его лица и, пристально поглядев ему в глаза, будто ответила на вопрос, который он ей еще не задал.

Винсент поставил лампу на стол.

— Где вы хотели бы повесить картину? — спросил он.

— Пожалуй, вот здесь, над моим столом.

В комнате было не меньше пятнадцати низких стульев и столиков; прежде семейство Луайе переселялось сюда на лето. В одном углу, на небольшом возвышении, стоял стол Урсулы. Касаясь плечами друг друга, они прикидывали, где лучше поместить картину. Винсент нервничал, кнопки, когда он пытался вогнуть их в стену, то и дело падали на пол. Она тихо и дружелюбно подсмеивалась над ним:

— Ах, какой вы медведь, дайте-ка лучше я.

Подняв руки над головой, она ловко принялась за дело — двигался каждый ее мускул. Работала она умело, проворно, грациозно. Винсенту хотелось тут же, при тусклом свете лампы, схватить ее на руки и решить все сразу одним крепким объятием. Но она все как-то увертывалась, ускользала, хотя и часто прикасалась к нему. Он поднял лампу, и Урсула прочла надпись на картине. От удовольствия она захлопала в ладоши и стала притопывать каблучками. Она так суетилась и прыгала, что Винсент опять не смог уловить момент, чтобы обнять ее.

— Значит, он и мой друг, ведь правда? — допытывалась она. — Мне всегда хотелось подружиться с художником.

Винсент подыскивал слова, ему хотелось сказать ей что-то нежное, что-то такое, с чего он мог бы начать объяснение. Она следила глазами за ним, стоя в темноте. В ее глазах, отражавших пламя лампы, мерцали крошечные искорки света. Полумрак оттенял овал ее лица, и когда взгляд Винсента скользнул по ее красным влажным губам, четко рисовавшимся на гладком бледном лице, в его душе шевельнулось что-то такое, чего он сам не мог бы объяснить.

Наступила многозначительная пауза. Ему казалось, что Урсула тянется к нему, ждет и боится его признания. Он несколько раз облизнул губы. Урсула отвернулась, взглянула на него через чуть вздернутое плечо и выбежала в сад.

В ужасе от того, что он теряет возможность поговорить с ней, Винсент бросился следом. Она остановилась под яблоней.

— Урсула, послушайте...

Она обернулась и, поежившись, взглянула на него. В небе горели холодные звезды. Кругом было темным-темно. Лампу Винсент оставил во флигеле. Тускло светило только окно кухни. Винсент все еще ощущал запах волос Урсулы. Она плотно стянула на плечах свой шелковый шарф и скрестила на груди руки.

— Вы замерзли, — сказал он.

— Да. Пойдемте лучше в дом.

— Нет, ни за что! Я... — Он преградил ей дорогу.

Она уткнула подбородок в шарф и глядела на него широко раскрытыми, удивленными глазами.

— Но, господин Ван Гог, боюсь, что я вас не понимаю.

— Я только хотел сказать вам... Видите ли... Я... я...

— Поговорим потом, прошу вас. Я вся дрожу.

— Мне кажется, я должен сказать вам это. Сегодня я получил повышение. Меня переводят в отдел офортгов... Это уже второе повышение за год.

Урсула отступила на несколько шагов, сняла шарф и резко остановилась, забыв о холоде.

— Так что же вы хотите сказать мне, господин Ван Гог?

Тон у нее был ледяной, и Винсент проклинал себя за неловкость. Вся сумятица чувств, которая его обуревала, вдруг улеглась — он сразу овладел собой. Он помолчал, обдумывая, как заговорить с ней, и наконец решился:

— Я хочу сказать вам, Урсула, то, что вы, собственно, уже знаете. Я люблю вас всем сердцем и буду счастлив лишь тогда, когда вы станете моей женой.

Он почувствовал, что его спокойствие и самообладание ее удивили. Может быть, сейчас самое время обнять ее?

— Вашей женой? — Голос Урсулы стал звонче. — Нет, господин Ван Гог, это невозможно.

Он посмотрел на нее из-под своих крутых, бугристых надбровий, и она ясно увидела во тьме его глаза.

— Боюсь, что я... я не...

— Странно, что вы ничего не знаете. Я уже больше года помолвлена.

Винсент не мог бы сказать, долго ли он простоял не двигаясь, о чем он думал и что чувствовал.

— Кто же ваш жених? — угрюмо спросил он.

— Ах да, вы же его ни разу не видели! Он раньше жил в вашей комнате. Я думала, вы знаете.

— Откуда мне было знать?

Она привстала на цыпочки и поглядела в сторону кухни.

— Я думала... я думала, вам кто-нибудь говорил.

— Зачем же вы целый год скрывали это от меня? Ведь вы знали, что я люблю вас. — В его голосе не было теперь и следа растерянности и волнения.

— Я не виновата, что вы влюбились. Я хотела, чтобы мы были только друзьями.

— А он приезжал к вам за то время, что я у вас?

— Нет. Он живет в Уэльсе. Он придет к нам летом, в отпуск.

— И вы не видели его больше года? Да ведь вы позабыли его! Теперь вы любите *меня*!

Уже не думая ни о благоразумии, ни об осторожности, он грубо схватил ее и силой поцеловал в губы. Он ощутил влажность и сладость этих губ, опять уловил запах ее волос, и весь жар любви вспыхнул в нем снова.

— Не надо любить его, Урсула! Я не позволю. Вы будете моей женой. Иначе мне конец. Я не отступлюсь, пока вы не забудете его и не выйдете за меня замуж!

— Замуж за вас? — воскликнула она. — Разве я обязана выходить за каждого, кто в меня влюбится? Оставьте меня! Слышите! Не то я позову на помощь.

Она вырвалась и, тяжело дыша, бросилась по дорожке в темноту. Взбежав на крыльцо, она обернулась и тихонько, почти шепотом, произнесла два слова, которые хлестнули его, словно это был яростный крик:

— *Рыжий дурак!*

Наутро его уже никто не будил. Он нехотя встал с постели, вялый и хмурый. Брился небрежно, кое-как, на подбородке остались кустики щетины. Урсула к завтраку не вышла. Когда он брел к Гупилю, те же встречные, которых он видел только вчера, казались ему теперь совсем другими. Это были грустные, одинокие люди, торопливо шагающие на свою постылую работу.

Он не замечал ни цветущего раkitника, ни выстроившихся вдоль дороги каштанов. Солнце сияло даже ярче вчерашнего, но он будто и не чувствовал этого.

За день он продал двадцать цветных гравюрных оттисков «Венеры Анадиомены» Энгра. Для Гупиля это было весьма выгодно, но Винсент уже утратил всякий интерес к обогащению фирмы. С покупателями он был крайне нетерпелив. Они не только не видели разницы между плохими и хорошими вещами — у них был прямо-таки дар выбирать все напыщенное, банальное, пустое.

Продавцы никогда не считали Винсента веселым человеком, хотя он и старался быть с ними как можно любезнее.

— Что это так расстроило отпрыска славного рода Ван Гогов? — спрашивал один продавец другого.

— Видно, он встал сегодня с левой ноги.

— Ну, ему есть о чем волноваться. Его дядя, Винсент Ван Гог, — совладелец Гупиля, ему принадлежит половина магазинов в Париже, Берлине, Брюсселе, Гааге и Амстердаме. Старик болен, а детей у него нет, все говорят, что он оставил свои богатства этому парню.

— Везет же людям!

— Но это еще не все. Другой его дядя, Хендрик Ван Гог, — владелец больших художественных магазинов в Брюсселе и Амстердаме, а третий дядя, Корнелис Ван Гог, — глава крупнейшей голландской фирмы. Да что там говорить! Среди торговцев картинами во всей Европе не сыщешь такого богатого семейства, как Ван Гоги. В один прекрасный день наш рыжий приятель станет повелевать всем европейским искусством!

Когда вечером Винсент появился в столовой Луайе, Урсула и ее мать о чем-то разговаривали вполголоса. Винсент остановился на пороге, и они замолчали — незаконченная фраза оборвалась на полуслове.

Урсула вышла на кухню.

— Добрый вечер, — сказала мадам Луайе, и в глазах ее блеснуло любопытство.

Винсент пообедал за большим столом в полном одиночестве. Удар, нанесенный ему Урсулой, оглушил, но не обескуражил его. Нет, он не примет ее отказа. Он заставит Урсулу забыть этого человека.

Прошла почти целая неделя, прежде чем он улучил момент, чтобы поговорить с ней. Все эти дни он ел и спал очень мало, апатию сменило внезапное возбуждение. В галерее он продавал теперь куда меньше эстампов, чем бывало. Его зеленоватые глаза стали страдальчески-голубыми. Подбирать слова, когда надо было что-то сказать, ему казалось теперь еще труднее.

В воскресенье, после праздничного обеда, он вышел за Урсулой в сад.

— Мадемуазель Урсула, — сказал он, — простите, если я напугал вас в тот вечер.

Она подняла на него свои большие холодные глаза, словно удивившись тому, что он идет за ней.

— О, пустяки, не стоит извиняться. Давайте забудем это.

— Я охотно забуду, что был груб с вами. Но каждое мое слово было истинной правдой.

Он подошел к ней ближе. Она отшатнулась.

— Зачем вы говорите об этом снова? Я уже все давно позабыла. — Она повернулась к нему спиной и пошла по дорожке. Он нагнал ее.

— Я должен говорить об этом, Урсула. Вы не понимаете, как я люблю вас! Вы не знаете, как я страдал всю эту неделю. Почему вы убегаете от меня?

— Пойдемте лучше в дом. Мама ждет гостей.

— Не может быть, чтобы вы любили того человека. Я прочел бы это в ваших глазах.

— Простите, но мне пора идти. Так когда же вы едете в отпуск на родину?

— В июле, — с трудом вымолвил он.

— Подумайте, как удачно! В июле ко мне приедет жених, ему понадобится комната.

— Я ни за что не отдам вас этому человеку, Урсула!

— Выбросьте это из головы. Иначе мама предложит вам съехать с квартиры.

Он уговаривал ее еще два месяца. Он снова стал замкнутым, как в детстве; раз ему нельзя быть с Урсулой, он хотел быть наедине с собой, чтобы никто не мешал ему думать о ней. С товарищами в магазине он держался холодно. Свет, который зажег в нем любовь к Урсуле, снова померк: теперь он был тем же угрюмым подростком, каким его привыкли видеть родители в Зюндерте.

Наступил июль, Винсент получил отпуск. Ему не хотелось уезжать из Лондона на целых две недели. У него было такое чувство, что Урсула не сможет любить другого, пока он, Винсент, живет с ней под одной крышей.

Он сошел в гостиную, где сидели Урсула и ее мать. Они многозначительно переглянулись.

— Я беру с собой только один саквояж, мадам Луайе, — сказал он. — Все остальные вещи я оставляю в комнате. Вот вам деньги за две недели, пока я буду в отъезде.

— Мне кажется, вам лучше бы забрать все ваши вещи, господин Ван Гог, — отозвалась мадам Луайе.

— Почему?

— Я сдала вашу комнату с будущего понедельника. Мы считаем, что будет лучше, если вы снимете квартиру в другом месте.

— Мы?

Он повернулся и взглянул на Урсулу из-под своих тяжелых бровей. Его взгляд был полон недоумения.

— Да, мы, — ответила за нее мать. — Жених моей дочери пишет, что не желает видеть вас в доме. Я склонна думать, господин Ван Гог, что будет лучше, если вы навсегда забудете дорогу к нам.

Теодор Ван Гог приехал на станцию Бреда встречать сына. На нем был тяжелый черный пасторский сюртук, жилет с широкими отворотами, белая накрахмаленная рубашка и огромный черный галстук в виде банта, из-под которого виднелась лишь узенькая полоска высокого воротничка. Винсент быстро взглянул в лицо отца и снова увидел в нем две знакомые особенности: веко правого глаза было опущено гораздо ниже левого, закрывая его почти до половины, а левая сторона рта была тонкая и сухая, тогда как правая — полная и чувственная. Глаза у него были смиренные, они, казалось, говорили: «Это всего-навсего я».

Жители Зюндерта нередко видели, как пастор Теодор, надев шелковый цилиндр, ходил навещать бедных.

До конца своих дней он не мог понять, почему судьба не проявила к нему большей благосклонности. Он считал, что ему давно уже должны бы дать крупный приход в Амстердаме или в Гааге. Прихожане в Зюндерте называли его «дорогим учителем», он был образован, имел доброе сердце, выдающиеся духовные достоинства, в служении Богу не знал усталости. И однако, вот уже двадцать пять лет он прозябал в безвестности в маленькой деревеньке Зюндерт. Из шести братьев Ван Гог он один не занял в своей стране достойного места.

Деревянный пасторский дом в Зюндерте, где родился Винсент, стоял напротив рыночной площади и здания управы. За кухней был разбит сад, там росли акации, среди заботливо взлелеянных цветов бежали тропинки. Церковь — легкое деревянное сооружение — пряталась за деревьями, тут же, поблизости от сада. В церкви было два маленьких готических окна из простого стекла, дюжина грубых скамей, расставленных на деревянном полу, в стены было вделано несколько жаровен. Ступени у задней стены вели к старенькому органу. Все здесь было сурово, просто, все пропитано духом Кальвина, духом его учения.

Мать Винсента, Анна-Корнелия, ждала их, глядя в окно, — повозка не успела еще остановиться, как она уже отворила дверь. В первую же минуту, когда она с нежностью обняла сына, при-